

Князь Сергій Волконскій.

Очерки
Русской Исторіи
и
Русской Литературы

Публичныя лекціи читанныя въ Америкѣ.

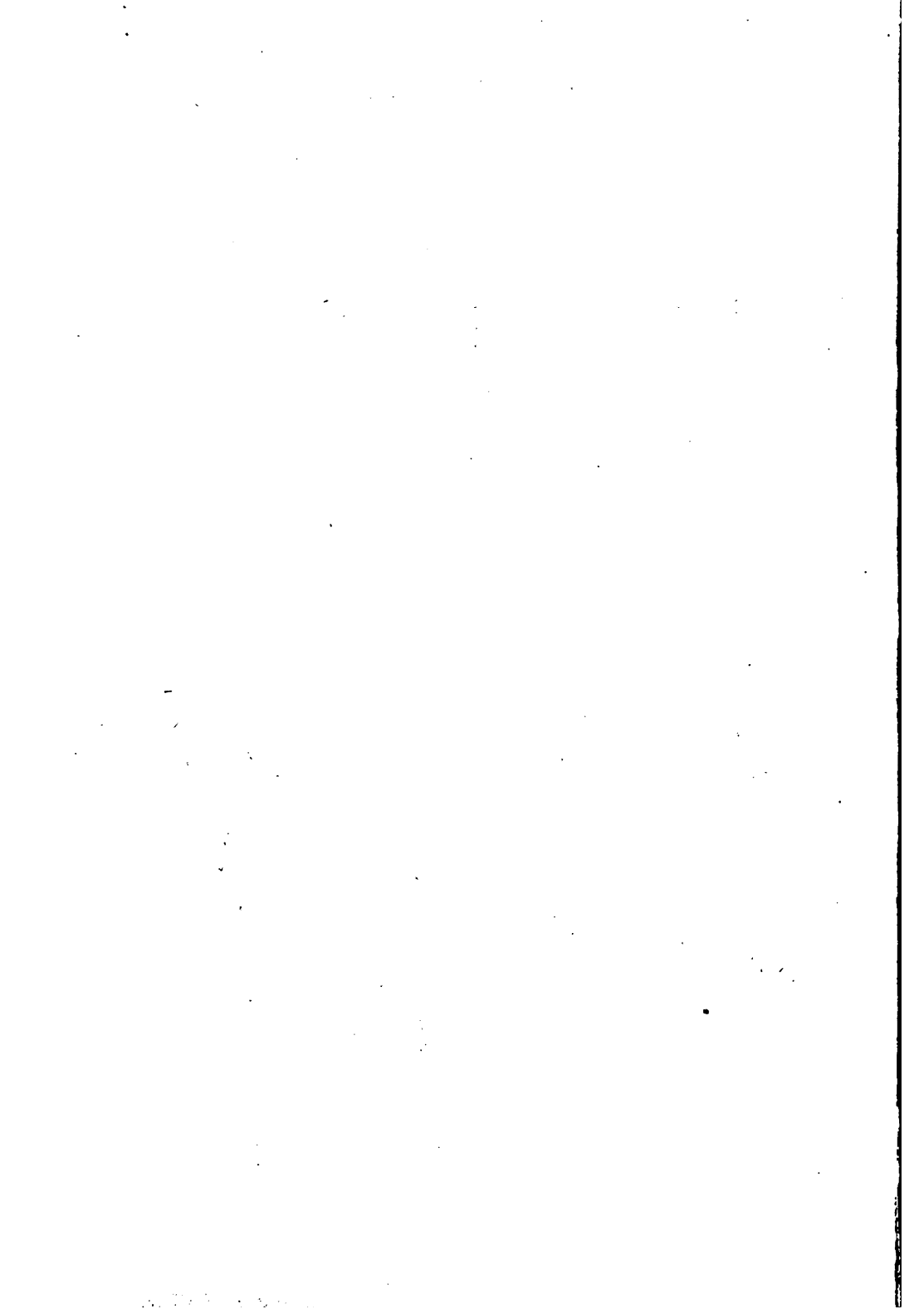
С.П.Б.

Типография-Литография

Р. Р. Голике Спасская, №17.

1896.

Кн. Сергей Волконскій.

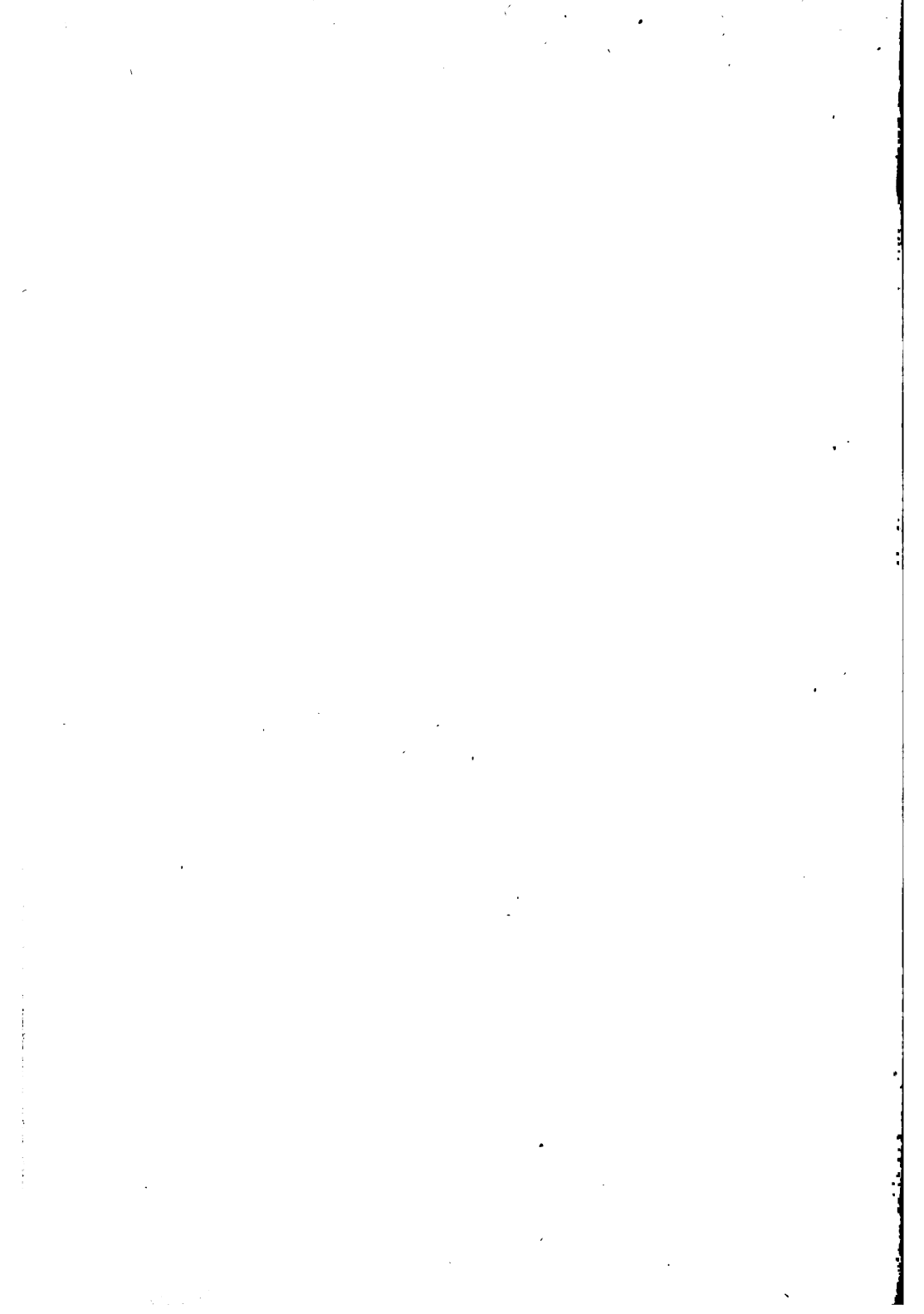
О ЧЕРКИ
РУССКОЙ ИСТОРИИ
И
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Публичныя лекціи, читанныя въ Америкѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Р. Р. Голицы, Спаская, № 17.

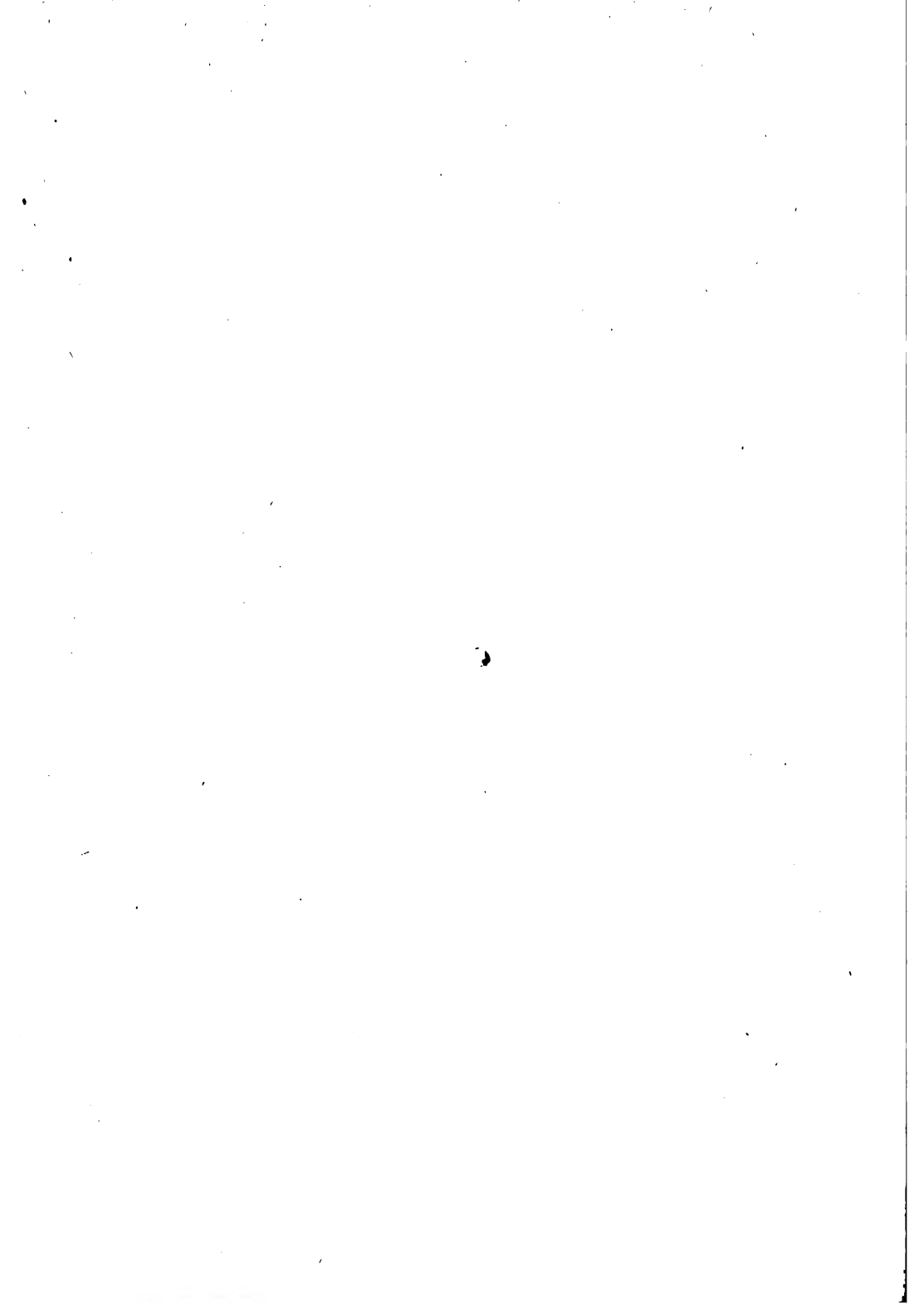
1896.

*Александръ Николаевичу
Пытину.*

Подъ сѣнью Вашихъ почтенныхъ трудовъ по исторіи русской письменности и русскаго самосознанія я прошелъ долгій путь отъ Владиміра Св. до Гоголя. Личное Ваше расположеніе и дружеское участіе служили мнѣ опорою въ моемъ трудѣ. Настоящее изданіе предпринято по Вашему настоянію, — позвольте мнѣ освѣтить первую его страницу Вашимъ уважаемымъ именемъ.

Ж. С. В.

Nationalliteratur will jetzt nicht viel sagen, die Epoche der Weltliteratur ist an der Zeit, und jeder muss jetzt dazu wirken, diese Epoche zu beschleunigen.

Goethe (1827).

(Національна література в наші дні уже не багато що значить, епоха всесвітньої літератури стоїть на череді, і *всякий* зобов'язаний сприяти скорішому наступленню цієї епохи).

Весною 1895 года я получилъ приглашеніе отъ Лоуэльской институтъ въ Бостонѣ (Lowell Institute) прочитати курсъ лекцій по русской исторіи и русской литературѣ, при чемъ число лекцій было ограничено восемью ¹). Приглашеніе мною было принято

¹) Въ 1839 году нѣкто Лоуэль пожертвовалъ значительную сумму на устройство въ Бостонѣ публичныхъ чтеній. «Институтъ», носящій имя учредителя, не учебное заведеніе, онъ, по волѣ завѣщателя, даже не владѣетъ помѣщеніемъ, а нанимаетъ залу. Въ настоящее время чтенія происходятъ въ большой залѣ Технологическаго Института (900 человекъ). Лоуэльская кафедра одна изъ самыхъ популярныхъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Лекторы приглашаются со всѣхъ концовъ земли. Во времена квакерскія, когда театры были запрещены, Лоуэльскія лекціи привлекали представителей всѣхъ классовъ Бостонскаго общества; съ тѣхъ поръ какъ театры и концерты стали соперничать съ публичными чтеніями, составъ слушателей нѣсколько измѣнился, впрочемъ — не къ худшему: отхлынул нарядный элементъ, остался одинъ серьезный. Всякій, кому приходилось читать передъ ней, воспоминаетъ съ благодарностью Лоуэльскую публику — внимательную, отзывчивую, хотя и сдержанную («the cold Bostonian audience») въ сравненіи съ вулканическими проявленіями публики университетской.

и первая лекція назначена на 5 февраля 1896 г. За лѣто былъ написанъ курсъ. Въ Октябрѣ, съ Высочайшаго соизволенія, Г. Министру Народнаго Просвѣщенія угодно было возложить на меня официальную командировку въ Соединенные Штаты. По прибытіи въ Америку, вслѣдъ за первой лекціей, мною были получены приглашенія отъ разныхъ учреждений: университетовъ, другихъ учебныхъ заведеній, литературныхъ обществъ и т. д. Въ промежутокъ времени отъ 5 Февраля до 5 Мая эти лекціи были прочитаны, сполна или частично, въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ Лоуэльскомъ институтѣ въ Бостонѣ, въ Гарвардскомъ университетѣ въ Кембриджѣ, въ Колумбьевскомъ университетѣ въ Нью-Йоркѣ, въ Вашингтоновскомъ литературномъ обществѣ въ Вашингтонѣ, въ Чикагскомъ университетѣ, въ Чикаго же публично по приглашенію университета, тамъ же по приглашенію литературнаго общества (Twentieth Century Club), тамъ же по приглашенію унитаріанской церкви, въ С.-Луисѣ публично по приглашенію художественной школы, въ Борнэлльскомъ университетѣ, въ Итакѣ по приглашенію гимназіи, наконецъ въ Нью-Йоркѣ прочитана уже наканунѣ отъѣзда благотворительная лекція въ пользу русской церкви.

Не мнѣ судить о впечатлѣніи, произведенномъ моими чтеніями; могу лишь,— и считаю долгомъ,—

поблагодарить заочно тѣхъ моихъ далекихъ друзей, которые своимъ вниманіемъ, поддержкой и горячимъ сочувствіемъ доставили мнѣ минуты неизрѣченнаго удовлетворенія. Знаю, что обязанъ этими минутами не себѣ, а тѣмъ великимъ именамъ нашей исторіи, которыхъ я былъ скромнымъ толкователемъ.

Какъ первое практическое слѣдствіе, явилась кафедра славянскихъ нарѣчій при Гарвардскомъ университетѣ въ Кембриджѣ, основанная въ Апрѣлѣ 1896 г.

Англійскій текстъ лекцій въ настоящее время издается въ Бостонѣ и въ ближайшемъ будущемъ долженъ выйти отдѣльной книгой: «*Pictures of Russian history and Russian literature*». Lamson Wolfe & Co, Boston.

Предлагаемый трудъ представляетъ русскій текстъ читанныхъ въ Америкѣ лекцій.

Намѣренія и цѣль автора при составленіи курса изложены во вступительной лекціи. Считаю нужнымъ добавить лишь нѣсколько словъ для русскихъ читателей. Не льщу себя надеждой, что въ такомъ бѣгломъ очеркѣ, обнимающемъ въ восемь лекцій историческое и литературное развитіе Россіи отъ Рюрика до Льва Толстого, мои соотечественники найдутъ для себя что-нибудь новое: что крещеніе

Руси произошло при Владимірѣ Святѣмъ, что смутному времени былъ положенъ конецъ избраніемъ Михаила Романова, что Пушкинъ былъ романтикъ, а Гоголь основатель русскаго натурализма,—извѣстно всякому русскому. Единственный интересъ, какой настоящая книга можетъ имѣть для русскаго читателя, заключается, слѣдовательно, не въ фактахъ, а въ томъ, какъ эти факты изложены, освѣщены и представлены иностранцамъ. Здѣсь попрошу имѣть въ виду, что курсъ составлялся для публики, хотя и университетской, тѣмъ не менѣе съ вопросомъ совершенно не знакомой. Это весьма осложняло задачу составителя, такъ какъ приходилось сочетать два довольно трудно сочетаемыхъ условія: популярность, почти элементарность, изложенія фактической стороны и нѣкоторую серьезность въ постановкѣ вопросовъ, въ освѣщеніи фактовъ, въ обобщеніяхъ, выводахъ и т. д.; необходимо было снабдить курсъ всѣмъ тѣмъ, что способно заинтересовать людей, уже давно вышедшихъ изъ ученическаго возраста; приходилось дать нѣчто вродѣ гимназическаго учебника *ad usum* профессоровъ. Насколько задача выполнена, предоставляю судить читателю.

Курсъ снабженъ подстрочными примѣчаніями двоякаго рода. Одни даютъ библіографическія указанія по русской исторіи и русской литературѣ: желающій найдетъ болѣе чѣмъ достаточный матеріалъ

для ознакомленія съ предметомъ. Такъ какъ книга предназначалась для иностранцевъ, то, понятно, указанія ограничиваются иностранной библіографіей ¹⁾; русскія сочиненія упоминаются лишь, когда является надобность въ ссылкѣ. Другого рода примѣчанія направлены къ тому, чтобы освѣтить разбираемую эпоху или разбираемаго автора отзывами позднѣйшей русской критики: такъ подъ строкою Карамзинъ говорить о Сумароковѣ, Бѣлинскій о Державинѣ, А. Н. Пыпинъ о Бѣлинскомъ и т. д. Этимъ путемъ читателю сообщается заразъ двѣ величины, — значеніе того или другого автора въ современной ему средѣ и путь, пройденный русской мыслью послѣ него. Какой перечень историческихъ трудовъ, на примѣръ, дастъ болѣе наглядное представленіе объ успѣхахъ русской исторической науки, чѣмъ отзывъ Бѣлинскаго объ «Исторіи» Карамзина? Книга, появленіе которой Пушкинъ сравниваетъ съ открытіемъ Америки, черезъ двадцать пять лѣтъ, по словамъ Бѣлинскаго, уже вытѣснена изъ числа сочиненій, удовлетворяющихъ требованіямъ «современнаго» ума. Благодаря подстрочнымъ примѣчаніямъ печатная книга до нѣкоторой степени восполнить

¹⁾ Здѣсь считаю долгомъ принести благодарность библіотекарю Императорской Публичной Библіотеки отдѣла «Russica», К. О. Феттерлейну, любезную готовность котораго помочь указаніями знаетъ всякій, кому приходилось къ нему обращаться.

пробѣлы изустнаго изложенія, вызванные ограниченностью времени и неизбѣжною отсюда сжатостью разсказа ¹⁾).

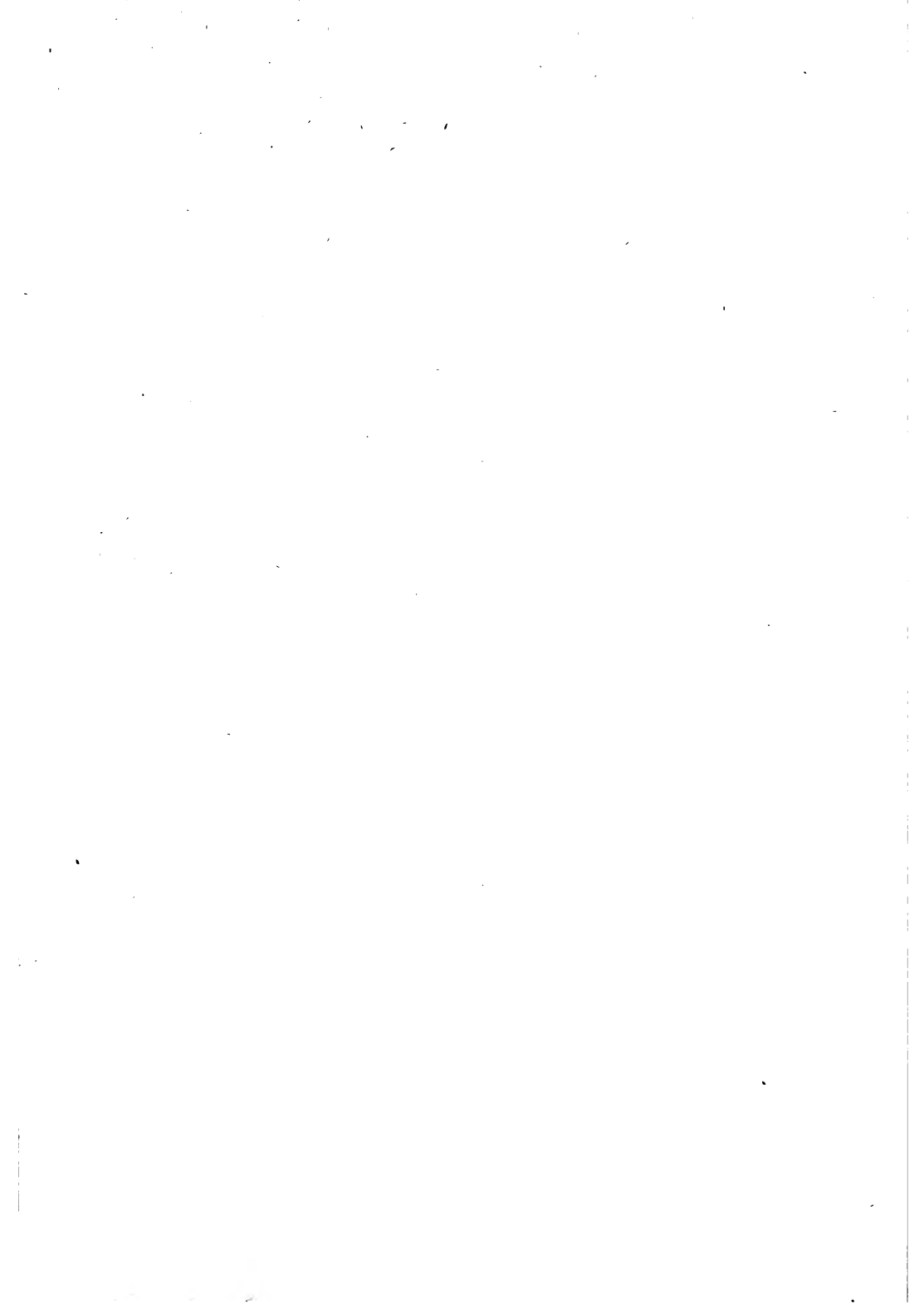
Изъ сказаннаго читатель усмотритъ, что задача автора была не въ томъ, чтобы *ознакомить* иностраннаго слушателя съ предметомъ (что невозможно въ восемь часовъ времени), а въ томъ, чтобы *заинтересовать* его. Развернуть передъ иноземцами все, что въ нашей отечественной исторіи есть высокаго, поучительнаго, живописнаго; показать имъ все что вызываютъ въ нашемъ умѣ великія имена нашей исторіи и нашей литературы и что составляетъ духовную пищу всякаго образованнаго русскаго; разоблачить въ твореніяхъ нашихъ поэтовъ и писателей лучшія стороны русской народной души; дать почувствовать иноземцамъ, что страна, о которой большинство изъ нихъ не знаетъ ничего, кромѣ разсказовъ о свѣгѣ, о волкахъ и о тайной полиціи, заключаетъ въ себѣ цѣлый имъ невѣдомый міръ духовныхъ радостей, — вотъ задача автора. Читатель увидитъ, что эта программа не сдѣлала его ни слишкомъ одностороннимъ, ни черезъ-чуръ оптимистичнымъ. Подчеркиваніе красоты въ жизни не значить искаженіе дѣйствительности, и внушить ино-

¹⁾ Въ англійскомъ текстѣ будетъ больше библіографическихъ указаній, чѣмъ въ русскомъ, такъ какъ онъ пополняется нѣкоторыми данными, собранными въ Америкѣ.

странцу любовь ко всему русскому также существенно, какъ внушить всякому русскому любовь ко всему человѣческому. Карамзинъ сказалъ: «Все народное ничто передъ человѣческимъ. Главное дѣло быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для русскихъ, и что англичане или нѣмцы изобрѣли для пользы, для выгоды человѣка, то мое, ибо и я человѣкъ». Такъ говорилъ Карамзинъ; но съ тѣхъ поръ мы выросли, и въ наши дни широкаго обмѣна международной мысли, когда національныя границы, такъ грозно оберегаемыя политикой, блѣднѣютъ въ совѣсти людской подъ всепрощающимъ крыломъ науки, искусства, религіи, мы можемъ перевернуть слова Карамзина и мы можемъ сказать иностранцу: «Да, мы люди, а не только русскіе, и то что есть хорошаго, высокаго, прекраснаго у насъ, то не можетъ не быть прекрасно для другихъ, и что русскій создалъ для блага человѣка, то ваше, ибо и вы люди».

Les Avants s. Montreux.

12-го Октября 1896 г.

Pour rien au monde je n'aurais voulu avoir d'autre histoire que celle de nos ancêtres, telle que Dieu nous l'a donnée.

(Ни за что на свѣтѣ не желалъ-бы я имѣть иную исторію, чѣмъ исторію нашихъ предковъ, такую, какою Богъ намъ далъ ее).

Пушкинъ.

Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины,—ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о, великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ!... нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу!

Тургеневъ.